

Грегори у неизвестного автора. Нельзя, конечно, не удивляться необыкновенной скорости, с которой работа в назначенный срок была выполнена: ведь царь заказал ее 4 июня 1672 г., и пьеса была написана в течение четырех месяцев и представлена уже 17 октября того же года. А все же свидетельство Рингубера не допускает сомнений: «*Scriptis ergo Gregori me socium sibi adjungens Tragico-Comaediam Ahasveri et Esthrae, quam et Slavonice trium mensium spatio pueros edocui agentes*». Выражение «*me socium sibi adjungens*», по всей вероятности, относится только к обучению актеров и к подготовке сценической постановки. Конечно, из переписки Рингубера видно, что он владел красивым слогом, но не было слышно, чтобы он когда-либо писал стихи или вообще что-либо другое, кроме своих воспоминаний и некоторых докладов вроде проекта торгового трактата, который сохранился в Архиве французского Министерства иностранных дел. В лучшем случае можно предположить, что он был способен играть при Грегори роль квалифицированного слушателя и советчика. Сам же Грегори едва ли нуждался в таком сотруднике: он ведь был «магистром» Иенского университета и скорее гуманистом, чем историком; он знал латинский и греческий языки и учился без сомнения и еврейскому языку, так как в «Артаксерксовом действе» приводит еврейски отрывки псалмов. Он приехал в Слободу в качестве учителя, но стал пастором и блестящим проповедником, причем оказался искусным стихотворцем при разных обстоятельствах, как автор настоящей оды в честь генерала Бауманна в 1662 г. (*Reussischer Lorbeerkrantz*) и поэтического «Прощания» со штуртгартскими друзьями в 1667 г. («*Der tapf're Reusse wird ein Barbar zwar genennet, Und ist kein Barbar doch...*»),⁵ может быть и Хвалы в стихах (*Lobpreis*), продекламированной государю по случаю карнавала 1673 г. («*Ist nun der gewünschte Tag...*»).⁶ Возможно, что он присутствовал на театральных представлениях в Дрездене в *Collegium Carolinum* или в школе святого Николая.⁷ Он, может быть, знал по опыту школьные спектакли, если сам не участвовал в них. Ему было известно, как всем пасторам, что Лютер был ярым приверженцем религиозных драм, и для ознакомления народа со Святым писанием надеялся больше на театральные представления и духовные песни, чем на чтение Библии, и на проповеди. Он также знал, как часто писатели эпохи Реформации главным образом драматурги, сопоставляли судьбу лютеран, преследуемых католическими властями, с судьбой еврейского народа, которому угрожала гибель, но который был спасен богом, избравшим его своим народом. И он знал в достаточной мере еврейский язык, чтобы обращаться к Богу на языке псалмов. В легенде об Эсфире этот пастор, проповедник и в то же время поэт, нашел достойный сюжет проповеди, обращенной в действие.

Одно приходится признать, хотя и это одно только отрицательно и не равняется доказательству, а именно: судя по библиографии James de Rotschild, по трудам Hugo Holstein и Rudolf Schwarz в Германии и по трудам

⁵ Это «Прощание», написанное рукой Грегори в *Stammbuch* хозяина штуртгартской гостиницы Johann Allgeuer, бывшего главного повара Олеария в 1634 г. в Москве, было опубликовано и переведено на русский язык Н. П. Лихачевым (*Исторический вестник*, 1898, июль, стр. 139—152) по оригинальному сборнику из собрания П. Я. Дашкова. Упомянутый в третьем стихе Herr Wirt — не кто иной, как сам Freund Allgaur, а не обер-секретарь Johann Christoph Keller (как ошибочно предположил Эрнст Кох).

⁶ Reutenfels. De rebus moschoviticis. Patavii, 1680.

⁷ Ср.: Ernst Koch. Die Sachsenkirche in Moskau. — Neues Archiv für Sächsische Geschichte und Altertumskunde, XXXII, 1911, стр. 301; П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII века. СПб., 1889, стр. 249.